

тация, вероятностный опыт, задача действия, к числу вторых — язык, степень владения им, функционально-стилистический, социолингвистический и аффективный факторы, индивидуальные отличия в речевом опыте, речевой контекст и речевая ситуация (Леонтьев, 1974, 29—35).

Однако в рамках этой концепции не ставились задачи построения функционально-коммуникативной грамматики. Тем не менее концепция московской психолингвистической школы, с присущей ей тенденцией к психологическому травестированию даже традиционных лингвистических понятий, выгодно отличается от лингвистических и психологических штудий бихевиористского толка, в которых весь коммуникативный процесс сводился к схеме «стимул — реакция» (см. работы Л. Блумфилда, Б. Ф. Скиннера). Поведенческие концепции, исключавшие сознательную, целенаправленную деятельность субъекта, интенции и мотивы, подчинявшие коммуникативный процесс достаточно жестким и «слепым» механическим правилам, стали уступать место деятельностным концепциям. От поведения как достаточно жестко детерминированного процесса наука стала переходить к деятельности. И формирование только что проанализированной теории не в последнем счете знаменовало собой победу нового методологического подхода. Особое значение имеет при этом опора на марксистско-ленинскую философию.

Деятельностный подход развивается и в рамках буржуазной философии, где он иногда предстает лишь как модификация поведенческой бихевиористской психологии. Поэтому приходится обращать внимание на разную трактовку понятий деятельности и поведения в марксистских и немарксистских философских системах, в частности в социологии. Буржуазная социология предпринимает многочисленные, но безуспешные попытки создания немарксистской социологической теории действия. Так, например, М. Вебер определяет социальное действие как такое действие, которое субъективно соотносится с поведением других людей. По мнению М. Вебера, понимание есть представление смысла действия, причем понимание действия связано с идеально-типичным конструированием определенных типов действия, а само это конструирование приобретает оценочные функции. Критерием объяснения действия является различие между смыслом и внешним миром (см. Вебер, 1956). Веберовская теория действия в буржуазной социологии является альтернативой бихевиористской теории поведения и допускает в качестве предмета научного исследования только эмпирически данные варианты поведения, что сообщает теории субъективно-идеалистический характер, поскольку игнорируется объективное соотношение социальных реальностей, имеющее своим результатом социальное действие. Анализ проблемы ограничивается упрощенной схемой «мотив — действие». При этом акцент в концепции действия делается именно на индивидуальные действия, без «расшифровки» их социального характера.

Теория действия Т. Парсонса базируется на принципах структурно-функционального анализа. Главное место здесь занимают предпосылки направленной реализации действия, которое мыслится нормативно ориентированным и включенным в «эмпирические системы». Детерминантами действия считаются биологические потребности человека и требования социальной интеграции в структуре социальной системы, понимаемой как «образец отношений» между образцами действий и в плане нормативных ожиданий членов группы по отношению к действующему. «Таким выглядит значительный аспект социальной структуры в системе образцов ожидания, которые определяют правильное поведение личностей в определенных ролях» (Парсонс, 1967, 153—171). Важнейшим фактором социальной интеграции, по Т. Парсонсу, является осознание социальных норм (Парсонс, 1967, 153—171).

Если М. Вебер дает субъективно-идеалистическую интерпретацию индивидуального действия, то Т. Парсонс дает вполне идеалистическую кон-